

И

стория Сталинградской битвы важна во всех подробностях. Будь то оборона дома Павлова, бросок на вражескую амбразуру над донской кручей сержанта Василия Прокатова, пленение фельдмаршала Паулюса... В этом же ряду освобождение оккупированной части нашей Воронежской области. В нынешнем году этим событиям исполнилось 75 лет.

Раскинувшиеся на донском правобережье Богучар, Кантемировка, Россошь, Острогжск, как и окрестные, среди полей, села и хутора, районные центры были вызволены из немецкой, итальянской и венгерской фашистской оккупации в ходе Сталинградской битвы.

Большая речная излучина на Среднем Дону стала местом схваток боевых на северном фланге в декабре 1942 — январе 1943 годов. Неслучайно историки эти сражения называли — Сталинград на Дону.

Четырнадцатого октября 1942 года немецкое верховное командование отдало уверенно успокоительный «зимний» приказ за подписью Гитлера. В нем, в частности, говорилось: «Летняя и осенняя кампании закончились. Мы достигли больших успехов. Огромным наступлением отбросили врага до Кавказа и Дона. Наземные связи между центральной Россией и регионом Кавказа, жизненно важные для проведения войны, отрезаны. Кроме специфических исключений, армии восточного фронта во время зимы выполняют только оборонительные задачи».

А уже двадцать третьего ноября советские войска взяли в клещи победительницу европейских столиц — 6-ю армию вермахта и приданные ей подразделения, какие увязли в боях на волжских берегах. Советские воины набросили петлю на одну из самых отборных гитлеровских армий под командованием будущего фельдмаршала Паулюса. На взгляд немецкого генерала-танкиста Фридо фон Зенгера, высказанный им уже после войны в книге воспоминаний «Ни страха, ни надежды»: «Это был гениальный ход Сталина — приказать окружить армию Паулюса путем фронтальных ударов, где легко можно было сломить слабых румынских и итальянских союзников Германии».

Боевую операцию разрабатывали будущие маршалы Красной Армии. В решающие дни и ночи они находились на полях сражений. Вспоминался такой эпизод: «В Генеральном штабе во время войны было всего лишь 200 человек. Александр

Михайлович Василевский, кстати, в прошлом штабс-капитан и сын священника, будучи начальником Генштаба, являлся также и представителем Ставки, и 80 процентов времени проводил на фронте. Однажды он даже сказал Верховному Главнокомандующему: «Товарищ Сталин, в Наркомате уже говорят, что я не руковожу Генштабом, а все время нахожусь в войсках...» Сталин говорит: «Товарищ Василевский, вы езжайте, а если нужно будет оформить карту — мы найдем, кого назначить. Если нужно будет передать вам информацию — у нас с фронтом связь есть. Если мы сочтем необходимым с вами посоветоваться как с начальником Генштаба — мы вас найдем...»

Враг еще не успел, как говорится, очухаться и осознать, что он окружен, а Верховный Главнокомандующий в ночь на 24 ноября предложил своему «летающему генштабу» из Сталинграда переместиться севернее — в воронежскую Бутурлиновку и там наметить план «чувствительных» боевых действий Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Задача стояла одна: «надежнее обеспечить с запада ликвидацию Сталинградского «котла».

В своих воспоминаниях Александр Михайлович Василевский отметит: «На рассвете 25 ноября все мы на автомашинах, присланных из штаба Воронежского фронта, отправились в район Верхнего Мамона и уже через несколько часов совместно с генерал-лейтенантом Голиковым и членом военного совета фронта генерал-лейтенантом Федором Федотовичем Кузнецовым приступили к рекогносцировочным работам. Командующий 6-й армией генерал-лейтенант Федор Михайлович Харитонов детально знакомил нас с положением дел в полосе действий его армии».

Будущие три маршала и генералы тоже не без риска для жизни скрытно поднялись на звонницу стоявшего на фронтовой линии храма Святого Митрофания, и в упор изучали обжитое итальянцами гористое правобережье Дона. Знали бы Александр Михайлович Василевский и его команда в те минуты, что грядущей операцией «Малый Сатурн» они выносят смертный приговор армии Паулюса...

Гитлер со своими полководцами не уступил — решил удерживать так и не покоренный Сталинград «до последнего солдата». Тем самым он обрекал лучшие дивизии на верную гибель.

Кантемировка освобождена от захватчиков. Декабрь 1942 года. Архивное фото

До победного часа Красной Армии предстояло не только разгромить вражеский котел, но и сорвать отчаянные попытки противника прийти на выручку осажденным. Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала упреждающую операцию «Сатурн». Мыслилось — яростным огнем и мечом прорубить второе «планетное» кольцо окружения и выйти к Ростову-на-Дону, чтобы схоже запретить вражеские войска, захватившие Кубань, Северный Кавказ.

А обстановка на фронте менялась ежечасно и «не в пользу нас». Немцы даже из Франции перебрасывали свежие танковые подразделения, дополнительно — стрелковые дивизии в донскую излучину. Казалось, неодолимый танковый каток уже утюжил сквозь заснеженную степь спасительный путь вдоль железной дороги Тихорецкая — Сальск — Котельниково — Сталинград. Враг наводил «воздушные мосты» для переброски боеприпасов, провианта. Советское командование вынужденно бросило во встречные сражения «сатурновские» резервные части. Взвесив все, Сталин решил не рисковать: «...наступление в сторону Каменск — Ростов не может получить успеха». Он распорядился видоизменить «Сатурн» с тем, чтобы, прорвав вражескую линию фронта на Среднем Дону, уничтожить его оперативные резервы и выйти во фланг и тыл группы фашистской армии «Дон», готовых вызволить армию Паулюса. Сталин ставил конкретные задачи: «...ликвидировать итальянцев», «обрушиться на тылы противника», «создать серьезный заслон против возможного удара противника с запада». «Операцию начать 16 декабря. Наименование... «Малый Сатурн».

Судьбоносное время: конец ноября 1942 — начало февраля 1943 гг. Ход Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом на глазах меняли уже «в пользу нас» боевые наступательные операции советских войск — «Уран» и «Марс», «Сатурн» и «Малый Сатурн». Настоящий парад планет. И затем — «Кольцо», в котором сдавались в плен не только фашистские солдаты, офицеры, но и генералы вместе с фельдмаршалом Паулюсом.

В эти месяцы изначально планировался разгром армий германских сателлитов — Румынии, Италии, Венгрии. Операции «Уран» и «Малый Сатурн», Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская ставили в числе других задачу — заставить румын, итальянцев, венгров-мадьяр выйти из состояния войны.

...Все еще впереди.

А здесь, в воронежском крае, на тихом Дону, где только что побывал «летающий генштаб» во главе с его начальником Василевским, уже не было тихо. Саперы скрытно вморозили в лед настильную бревенчатую переправу. Вела она на правый речной берег, на каком неприступно укрепились итальянцы. Но именно у села Осетровка наши воины летом не отступили и удержали плацдарм в пятьдесят квадратных километров. Декабрьскими ночами на эту драгоценную пядь земли через Дон шли и шли танковые колонны и сосредотачивались вдоль степной линии фронта.

Всех окрылял Сталинград, где наши войска ударили встречно двумя танковыми кулаками с севера и юга. Ударили при поддержке артиллерии, пехоты, авиации. Схожий, не ожидаемый противником прорыв готовился и на Дону, чтобы, создавая новое кольцо окружения, отодвинуть подальше на запад линию фронта, уничтожить аэродромы и снабженческие базы на Юго-Восточной железной дороге. Тем самым — напроочь пресечь вражеские попытки по спасению поименованной Гитлером «крепости Сталинград».

А на том, правом, берегу — чем не одно из чудес света.

Белогорье, сплошная гряда меловых гор. Никоновская летопись сохранила для нас сведения о том, что еще в 1389 году здешним путем из Москвы в Константинополь плыл на судах рекою Доном вниз митрополит Пимен. Участник путешествия Игнатий Смольянин писал: «видели столпы каменные белые, дивно и красиво стоят они рядом, маленькие стога, белы и очень светлы, над рекою...» Любоваться да любоваться бы этой неопикуемой красотой. Но у военных иной взгляд на окружающий мир. Для них самой природой сотворена неприступная линия обороны вдоль да по-над Доном. Широка, глубока река. Чуть ли не из воды отвесно вырастают ввысь, прямо к небесам, крепостными стенами скалы. Они грозно нависают над речным потоком, а, главное, над равниной левобережья, открытой на многие километры. Где бы ни крылся воин, всюду он — как на ладони.

Этим обстоятельством разумно воспользовались немцы. Их войска на острие главного удара. А на будто подаренных Творцом оборонительных флангах разместили «слабое звено» — сателлитов.

Поскольку венгры из-за спорных приграничных территорий издавна враждовали с румынами, то дабы они не потрепали друг друга, их разъединили итальянцами. Южнее Воронежа до тогдашнего районного центра Белогорье закрепились 2-я венгерская армия. Дальше — потомки римлян в составе 8-й итальянской армии заняли извилистый речной сектор протяженностью в 270 километров — к известной всему миру шолоховской станице Вешенская. Ниже по течению на флангах у Сталинграда располагались две румынские армии — 3-я и 4-я. Во втором эшелоне разбросанно размещались на всякий пожарный случай резервные немецкие подразделения.

Осенью по гористому берегу Дона, как отмечает современный военный историк Джорджо Скотони (на его сведения, взятые из рассекреченных недавно документов с той «неприятельской стороны», мы будем опираться и далее. — *Авт.*), итальянцы создали солидную систему обороны. Построили дзоты, соединенные между собой траншеями, и эшелонированную полосу инженерных сооружений. На переднем крае были сооружены ряды проволочных заграждений, вырыты противотанковые рвы и подготовлены минные поля. От первых траншей в глубину ответвлялись ходы сообщений, и главная полоса включала систему опорных пунктов с артиллерией.

Мало кто знает — крепить боевой дух фашистам прилетали в Кантемировку дочь итальянского «фюрера», «дуче фашизма» Муссолини — Эдда Чиано и модный в ту пору поэт Филиппо Томазо Маринетти. Вдохновение стихотворец в на-

рядном мундире майора нашел в Кантемировской округе. Здесь он писал об «оригинальности русского народа». Как их вождь и отец, основатель и первый маршал Империи Италия Бенито Муссолини, гости на встречах славил офицеров, унтер-офицеров и солдат 8-й итальянской армии. «В жестоком бою, бок о бок с немецкими и союзными армиями на русском фронте, вы многократно и решительно демонстрируете вашу стойкость и доблесть», защищая «тысячелетнюю европейскую цивилизацию от московского варварства».

К первым снегопадам, в начале ноября, работы по укреплению позиций были завершены, и войска расквартировались на хорошо снабженных и протопленных постах. По прошествии нескольких дней минимальная температура стала очень низкой, река Дон покрылась льдом. Она больше не являлась водной преградой, дозор необходимо было усилить.

На участках фронта почти каждую ночь советские войска вели боевую разведку. Нередко итальянские части отражали мелкие атаки противника, но никогда не участвовали в важных боях. Не случайно самое известное событие осеннего пребывания на Дону — это не вооруженное столкновение. Альпийцы батальона «Тирано» дивизии «Тридинтина» нашли Донскую мадонну. Так они назвали православную икону Пресвятой Богородицы «Умягчение злых сердец», или «Семистрельную». Горные стрелки 46-й роты нашли ее в разрушенном от бомбежек доме. Солдаты трогательно берегли, поклонялись ей как своей святыне. Затем икону привезли в Италию оставшиеся в живых воины альпийского корпуса. Там она стала предметом массового паломничества родных и близких тех воинов, которые так и не вернулись из России.

К концу ноября было замечено крупное сосредоточение советских войск на участке фронта 8-й итальянской армии. В частности, напряженная наступательная подготовка отмечалась в зоне фронта 2-го итальянского армейского корпуса — от Новой Калитвы до Осетровки. Там, где река Дон образует излучину.

Однако, как отмечают оккупанты, «на наших линиях думали, что напротив нас находятся ослабленные советские соединения». Когда войска Красной Армии готовились прорвать фронт обороны, «верховное командование вермахта и командующий 8-й армией Гарибольди убедились в том, что перед фронтом приток войск был незначительным и что не следует бояться нападений на этих участках... Поэтому итальянцы, укрепляя свою оборону, мало-помалу уверовали, что они не находятся под угрозой, не должны бояться серьезных атак и могут спокойно оставаться на зимовку».

Беспечность подвела итальянцев и «прикомандированных» к ним немцев.

В операции «Сатурн», а затем и в ее окончательном варианте «Малый Сатурн», танковым корпусам предписывалось «в гору не идти». Донские горы обойти позволяли «предмостные плацдармы», удерживаемые с летнего отхода советскими воинами на занятом противником правом берегу. Это одно. И второе: противник был частично прав в оценке сил Красной Армии — наши войска превосходили вражеские лишь в танках, а в живой силе, артиллерии и боевых самолетах уступали им». Но мы уже умели воевать. Ослабив местами собственную оборону, смело сосредоточили имеющуюся боевую мощь «в полосе намеченных ударов на узких участках прорыва тактической зоны обороны противника». Тем самым — добились весомого превосходства: пятикратного в танках, трехкратного в орудиях и минометах, почти двойного в живой силе.

Основные два удара нанесли: севернее — из района Верхнего Мамона, южнее — из района станицы Боковской. Вспомогательные — по линии фронта, где у итальянцев, немцев и румын было «тонко». Направления — Новая Калитва, Кантеми-

Отсюда начиналось освобождение Кантемировка

ровка, Марковка, Чертково, Миллерово, Тацинская, Морозовск. Удары нанесли «под дых» противнику, которому стало ясно, что деблокировать окруженную группировку Паулюса уже не удастся.

«Малый Сатурн» к Новогоднему празднику свою задачу выполнил.

Нам же интересен подробный рассказ об освобождении родных мест на стыке Воронежской и Ростовской областей.

Двенадцатого декабря провели разведку боем, пишет в книге «Над картой были сражения» начальник штаба Воронежского фронта Михаил Ильич Казаков, в ней участвовало несколько батальонов 127-й стрелковой дивизии, которые продолжительное время занимали здесь оборону и хорошо знали противника.

Разведка прошла успешно. Боевое охранение итальянской дивизии «Равенна» было уничтожено по всей полосе прорыва. Наши войска овладели несколькими высотами на южном берегу Дона, хутором Самодуровка (ныне Донской) и частью села Дерезовка.

Итальянцы долго не могли успокоиться. В течение второй половины дня 12 декабря и весь день 13 декабря они вели контратаки, пытаясь восстановить положение. В бой по отражению этих контратак втянулась почти вся 127-я стрелковая дивизия. Ее бойцы и командиры действовали умело и мужественно. Они удержали плацдармы и нанесли значительные потери итальянской дивизии.

«На плацдармах стали развертываться боевые порядки 15-го стрелкового корпуса с артиллерией сопровождения. С волнением ожидали мы начала первой наступательной операции войск Воронежского фронта. Как-то она пойдет? Как будет развиваться? Принесет ли желаемый успех?

Утром 16 декабря началась артиллерийская подготовка. Мы следили за ней с наблюдательного пункта на окраине села Гороховка. Особенно сильное впечатление произвели на меня гвардейские минометы «Катюши». Их в этот раз было довольно много: только в полосе нашей 6-й армии действовало до десятка дивизионов и несколько полков. После такой обработки переднего края обороны противника можно уверенно начинать атаку. Не беда, что из-за морозного тумана вплоть до середины дня не могла действовать наша авиация.

Первые минуты атаки всегда напряжены. Пехота выбралась из траншеи и идет по открытому полю на вражеские позиции, где совсем еще недавно гулял огонь нашей артиллерии. Какие силы остались там? Насколько удалось артиллеристам подавить огневую систему переднего края? Эти вопросы волнуют каждого.

Но вот стрелки с криком «ура» ворвались в первую траншею. Завязываются беспощадные рукопашные схватки. Тут в дело идет все: и штык, и саперная лопата, и просто цепкие руки, хватающие противника за горло. Отвоевываются десятки, потом сотни метров родной земли. Затем противник вводит в бой резервы. Начинаются контратаки.

А тем временем на наблюдательных и командных пунктах ведутся отрывистые, часто нервные переговоры по радио и телефонам. Кто-то сообщает об успехе. Другой требует огневой помощи. Командные пункты на все реагируют, все принимают к сведению и требуют, настаивают, приказывают: вперед!»

...Наступление нашей 6-й армии протекало в целом неплохо. Спротивление итальянцев было сломлено, и уже в первый день наши войска продвинулись на пять километров. Это не так мало, если на пути глубокий снег и довольно трудный для наступления рельеф местности. Ведь войскам пришлось атаковать снизу вверх, преодолевая отлогий, но длинный подъем — от топографической отметки 100 до отметки в 220 метров над уровнем моря.

Во второй день наступление развивалось еще успешнее. Контратаки 385-й пехотной дивизии немцев и их же 318-го пехотного полка, а также бригады итальянских чернорубашечников были отбиты... К вечеру 19 декабря наши войска вышли на рубеж Новая Калитва, Первомайское, Кантемировка. Таким образом, за четверо суток они целиком выполнили свою задачу по плану операции «Малый Сатурн». И тогда же, вечером 19 декабря, наша 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

Казаков нарисовал общую картину наступления.

Бои же шли ожесточенные. Шестнадцатого декабря танкистам не удалось с Осетровского плацдарма вырваться на степные просторы. Они споткнулись на «чрезвычайно насыщенных минных полях». Итальянцы осенью закапывали заряды в землю. С началом зимы скрывали мины в снегу. По сути, испекли опасный «слоеный пирог». И лишь когда ночью здесь основательно потрудились наши саперы, расчистили безопасные проходы, то 115-я отдельная танковая бригада Мельникова, а затем и 17-й корпус Павла Павловича Полубоярова, будущего маршала бронетанковых войск, пошли в бой без артиллерийской «обработки» переднего края. Этим они сбили с толку противника. Его противотанковые пушки без единого выстрела были раздавлены гусеничными траками советских танков. Притом — наши танковые части не потеряли ни одной машины.

Противника побивали его же приемами.

Более тысячи танков пошло в прорыв. Только вперед! Для пехоты оставались позади опорные пункты противника. Стальные машины дерзко уходили в рейд по глубоком вражеском тылам. Нарисованные на штабных картах стрелы — направление главного удара — превращались в явные «кольца» новой западни.

Сквозь минные поля, сквозь шквал огня и лютую непогоду 17-й танковый корпус генерала Павла Полубоярова, сметая итальянские и немецкие заслоны, первым выполнил свою тактическую задачу. Танкисты ударом с донского Осетровского плацдарма прорвали оборону противника и взяли курс к главной цели — на Кантемировку. Районный центр и железнодорожная станция были важной базой снабжения немецко-итальянских войск. По магистралям через Ворошиловград, Харьков сюда доставляли оружие и боеприпасы, амуницию и провиант, считай, прямо на линию фронта. С аэродрома Гартмашевка по «воздушному мосту» само-

летами отправляли грузы в сталинградский «котел». Вот почему фашисты превращали Кантемировку в мощный узел сопротивления. На пути к ней стояли укрепленные заслоны в селах Писаревка, Талы.

Командир корпуса, будущий маршал бронетанковых войск Павел Павлович Полубояров попридержал в резерве часть сил. А когда разгромили вражеский передний край, то 66-я танковая бригада подполковника Федора Михайловича Лихачева по бездорожью, полями, обходя укрепленные пункты стороной, вырвалась в глубокий тыл и вышла к Кантемировке с юго-восточной окраины. Ее поддержали передовые подразделения 174-й танковой бригады подполковника Василия Ивановича Шибанкова. Тут наших танкистов немцы и итальянцы не ждали. Дерзкий маневр ошеломил врага.

Утром девятнадцатого декабря они «свалились с неба, с прикрывавшей поселок горы и оседлали» Юго-Восточную железную дорогу.

Ветераны вспоминают: на железнодорожных путях эшелоны с грузами стояли, а улочки слободы были запружены автотранспортом, тракторами, свежей боевой техникой. Экипажу лейтенанта Александра Орлова удалось с высоты расстрелять паровоз и уничтожить мост через речушку на главной дороге. Но удобная боевая позиция на всхолмье оказалась тоже небезопасной. Танк подбили снарядом, а затем обезноженную машину разнесли бомбовыми ударами с воздуха. Но Орлов уже с автоматом штурмовал вокзал, где вступили в бой с брони десанты пехоты. Им явилась подмога. Танкисты освободили наших военнопленных, вооружили их. Необычный стрелковый полк в шестьсот бойцов сразу стал силой. Очистить Кантемировку от фашистов удалось лишь к ночи 19 декабря. И до 21-го, до подхода основных сил, танковый корпус удерживал село в круговой обороне.

И вновь седлали легендарные «тридцатьчетверки» — лучшие танки Второй мировой войны. Орлов, девятнадцатилетний воин, принял новый экипаж, его товарищи остались в госпитале. Корпус совершал стальной бросок на юг в сторону Ростова, отсекая железнодорожную магистраль.

За проявленную отвагу 17-й по приказу Народного комиссара обороны получает почетное звание — 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус.

...Если бы взлететь орлом над степью, то взору бы предстала необычная для декабря картина. Будто весеннее половодье прорвало вражескую линию обороны и растекалось по долам, по горам. Потоки людей, обозов, военной техники то разбегались ручьями, то сливались в реки, то снова текли в разные стороны света.

Поистине — «смешались в кучу кони, люди»...

Командованию лучшей альпийской дивизии «Юлия» и 24-му немецкому танковому корпусу с приданными ему двумя пехотными дивизиями — 385-й и 387-й было приказано «наперекор противнику восстановить фронт в зоне полного хаоса».

Как это выглядело? «Стоит вспомнить, что случилось с 13-й батареей группы «Конельяно», входящей в состав дивизии «Юлия». Доехав до Митрофановки, она получила приказ отправиться через Криничное в Первомайское-Дерезоватое, в Ивановку. Колонна, состоящая из дюжины грузовых автомобилей, везущих батарею, выехала из села в метель ночью и попала, как оказалось, в глубь никому не принадлежащей территории. Почти сразу после выезда грузовые автомашины встретились с четырьмя танками, которые шли им навстречу по той же самой трассе. Десантники, сидящие на танках, были одеты в маскировочные белые халаты, не позволявшие опознать, кто они. При встрече махали руками и здоровались с нашими артиллеристами. Но некоторое время спустя танки остановились и начали стрелять в направлении Митрофановки. Альпийские артиллеристы поняли, что они встретились с советскими танками и здоровались с противником».

Исполняя поручения командира дивизии, генерала Умберто Риканьо, лейте-

нант Еждисто Корради на всю жизнь запомнил поездку по заснеженной степи из Росоши в сторону Богучара:

«17 декабря 1942 года, въезжая в горящие Талы, я совсем не понимал всего ужаса только что начинавшейся военной катастрофы... Командование 2-го корпуса уехало из села в Кантемировка, находящуюся западнее. После долгих поисков мы нашли путь в Кантемировка. Прибыли туда в середине ночи... Командование 2-го корпуса находится не здесь, — сказали нам, — оно должно быть в Митрофановке, в пятидесяти километрах северо-восточнее. Но путь в Митрофановку был перекрыт. Советские самолеты обстреляли колонны грузовиков. Сразу же образовались «пробки» из неподвижных автомобилей... Дорога из села Талы в Кантемировка была совсем пустая и сверкала ото льда, она блестела под утренним солнцем. Дальше мы увидели перевернутые грузовики, лежащие по обеим сторонам дороги, ямы, образовавшиеся от взрывов, кучи вещей и ящики, из которых вывалились боеприпасы; в воздухе ощущался дым от гаснущих пожаров. На полях вдоль дороги лежали десятки убитых итальянских и немецких солдат. На дороге трупы были в большинстве раздроблены, смешаны со льдом...

В одной деревне дорога немного поворачивала, и закутанные женщины расчищали ее от снега. Они увидели нашу машину и начали кричать, высоко поднимая метлы. Кричали с насмешкой: «Тикай! Тикай!..» «Тикай» — по-русски значит «убегай» или просто бегство, не знаю. Немцам, думал я, не кричали бы «тикай» или крикнули бы только раз и — все. Женщины убирали дорогу, чтобы русским войскам было легче пройти, это было хорошо понятно. Их крики оскорбляли меня, но не слишком сильно; мне, наоборот, показалось естественным, что в данных обстоятельствах русские граждане дали волю своему ликованию».

Приведем в отрывках архивные документы, рассказывающие об освобождении края от итальянско-немецких оккупантов. Дотошный любитель истории сможет из первых рук узнать, как с берегов Дона начинался наш долгий победный путь к Берлину.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 354 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ на 8.00. 20.12.42 г.

Войска левого крыла Воронежского фронта и Юго-Западного фронта с 16.12 перешли в наступление против итало-немецких войск, оборонявшихся в районе среднего течения Дона. Прорвав оборону противника на участке Новая Калитва — Монастырщина и в районе Боковская, наши войска за четыре дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 25–55 км, заняв города Новая Калитва, **Кантемировка**, Богучар и районные центры Талы, Радченское, Боковская. В боях разгромлено 9 пехотных дивизий и 1 пехотная бригада итало-немецких войск, нанесены тяжелые потери 4 пехотным дивизиям противника.

Юго-Западный фронт.

17 танковый корпус 19.12 овладел населенным пунктом Кантемировка.

1-я гвардейская армия, перейдя в наступление 16.12, прорвала оборону противника на участке Красно-Ореховое — Монастырщина и, разгромив противостоящие части 3, 9 и 59 пехотные дивизии итальянцев, 298 пехотную дивизию немцев, продолжала развивать наступление в южном и юго-восточном направлениях.

4 гвардейский стрелковый корпус в 14.00 19.12 вышел на рубеж Зайцевка — Бык — Лебединка — Шуриновка.

Письмо капитана санитарной службы Джинно Сорези о последних военных событиях на русском фронте — в Кантемировке...

«В то утро (19 декабря — авторы) мы с двумя врачами госпиталя № 5 пошли в другое отделение госпиталя для работы. Как я уже написал тебе, с декабря мы были подвергнуты изнурительному труду: с фронта текли без перерыва сотни раненых: приезжали, лечились как-то и, после одного или двух дней лечения, эвакуировались всеми доступными им средствами — на поезде, на грузовике, на скорой помощи, на самолете. Под моим командованием было восемь врачей и 103 солдата. Я осматривал в среднем 150 раненых в день и столько же отправлял в Италию. В последние дни велел положить соломенные тюфяки на пол в коридорах, в прачечной, в нашей столовой — в любом месте, где мог лежать раненый.

Рано утром 19 декабря первые русские танки появились на холмах вокруг Кантемировки. В 7.30 ч. утра, когда началась бомбежка, я был на работе в отделении уже с 6 ч. утра. Когда мы слышали первые выстрелы, успокоил раненых и продолжал лечить. Примерно в 8.00 ч. прибыл запыхавшийся мой майор-адъютант и сказал мне, что несколько танков прорвались. Я ответил ему, что мы ничего не можем сделать и послал его обратно в госпиталь с приказом успокоить раненых, не допускать паники и организовать по возможности эвакуацию раненых всеми машинами скорой помощи, имеющимися в наличии, и поездом, который в то утро был готов ехать.

Между тем, я начал делать то же самое в отделении: заполнял машины скорой помощи ранеными и отправлял их на вокзал с приказом взять всех на борт поезда для возвращения. Учитывая краткость пути (500 м), легкораненые, которые могли ходить самостоятельно, отправлялись к поезду пешком.

Вскоре после этого произошел пожар в немецком складе для топлива, что показалось мне дурным предзнаменованием. Примерно через полчаса пришел другой офицер и сказал мне, что ситуация в больнице ухудшилась: паника распространилась среди пациентов, и больница сразу же опустела — раненые убежали босиком! К сожалению, убежали и мои солдаты...

В 11 ч. я остался один с тремя офицерами и пятью солдатами, которые, казалось, также хотели убежать. В то же время в городе начали действовать партизаны: они даже не были узнаваемы, потому что ограбили склад и были одеты как итальянские солдаты. Я собрал тридцать раненых в палате, четыре из них были очень тяжело ранены, и не было возможности везти их; остальных 26 я загрузил на первый попавшийся грузовик...

Между тем русские танки достигли центра города, перекрыли дороги к командованию и прошли мимо моего госпиталя, находившегося у подножия холма, откуда появились первые танки. Вокруг была адская бомбардировка: кроме пушек танков, взрывались бомбы, сброшенные с самолетов. <...> В 11.30 ч. мы отправились на железнодорожный вокзал. Придя на большую площадь, которую должны были перейти, чтобы добраться до командования, мы были остановлены пулеметными очередями из итальянской зоны: два русских танка стояли перед госпиталем № 32. Мы попытались вернуться, так как находились на расстоянии около 700 метров от госпиталя. Туда вела только одна дорога, которая поднималась дальше на холм и откуда спустились в город танки.

В тот момент, когда мы пошли, русский танк появился на вершине холма и двинулся к нам. Над ним кружился немецкий самолет, который остался без бомб и стрелял в танк из пулемета. Мы были обречены: танкисты не берут в плен. Они могли убить нас одним выстрелом. Дорогая Лидия, здесь произошло чудо: мимо ехал на большой скорости грузовик, его гнал шофер, будто сошедший с ума от страха. Оружие в руках, нам удастся остановить его, и мы загрузили в машину группу раненых, которые были с нами.

Под прицелом танка мы сели в грузовик, проехали мост и отправились в путь к Ворошиловграду. Несколько минут спустя партизаны взорвали мост. Это было около полудня.

Из медперсонала госпиталя № 5 спаслись со мною три офицера и три солдата. Я оставил раненых в Кантемировке вместе с офицером и двумя солдатами. Ради любви к Родине, не скажу о том, что мы увидели на этом пути, полном трагических событий и ужасающих фактов...»

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 358 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

на 8.00. 24.12.42 г.

В течение 23 декабря войска Юго-Западного фронта в центре продолжали преследовать немецко-фашистские войска, отходившие на юг и юго-запад...

6-я армия. ...127-я стрелковая дивизия закреплялась на рубеже северо-западная окраина населенного пункта Новая Калитва — МТФ — высота 176,2 (2 км юго-западнее Новой Калитвы).

15 стрелковый корпус, продолжая наступление, к исходу дня 23.12 вышел на рубеж:

172 стрелковая дивизия — Первомайск — Серобабин — высота 201,8;

350 стрелковая дивизия вела бой западнее населенного пункта Косовка и в районе роци восточнее Фисенково;

267 стрелковая дивизия занимала оборону на рубеже Голая (ныне село Шевченко) — Новомарковка.

17 танковый корпус к утру 23.12 овладел районом Волошино.

1-я гвардейская армия.

...Части 4 гвардейского стрелкового корпуса к 17.00 23.12 вышли на рубеж:

195 стрелковая дивизия двумя полками вела бой в районе Гартмашевка.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 360 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

на 8.00. 26.12.42 г.

6-я армия. ...Разведгруппой дивизии взят в плен командир роты 8-го пехотного полка 3-й итальянской дивизии «Юлия», переброшенной из города Россось.

Части 15-го стрелкового корпуса: 172-я стрелковая дивизия, отразив несколько контратак противника, вела бой на прежнем рубеже; 350-я овладела районом Фисенково, вела бой западнее Фисенково и на восточной окраине Голая; 267 стрелковая дивизия овладела районом Касьяновка — Холодный — Хрещатый и передовыми отрядами заняла в Ворошиловградской (ныне Луганской) области район Каськовка — Россоховатый (20 км западнее и юго-западнее Кантемировки)...

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 362 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

на 8.00. 28.12.42 г.

...6-я армия. 27.12 перешла в наступление, но, встретив упорное сопротивление противника на правом фланге и в центре, успеха не имела, на левом фланге, продвинувшись вперед, заняла несколько населенных пунктов.

350-я стрелковая дивизия овладела районом Голая (ныне Шевченко) — Пасюков — Калинов (15 км северо-западнее Кантемировки).

267-я стрелковая дивизия во второй половине дня 27.12. овладела районом Высочанов.

17-й танковый корпус вел бой с окруженным противником в Миллерово.

1-я гвардейская армия. 195-я стрелковая дивизия частью сил продолжала вести бой с окруженной группой противника в районе станции Гартмашевка...

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 363
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 29.12.42 г.**

6-я армия. ...350-я стрелковая дивизия овладела районом Ахор (20 км севернее Кантемировки) и передовым отрядом овладела отделением совхоза Крутенький (24 км севернее населенного пункта Марковка). Остальные части армии вели бой на прежних рубежах.

1-я гвардейская армия частью сил продолжала уничтожать блокированные гарнизоны противника на станции Гартмашевка, Чертково, Миллерово и выдвигалась к реке Деркул...

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 365
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 31.12.42 г.**

6-я армия оставалась на прежних позициях и частью сил вела бои местного значения. ... Части 350-й стрелковой дивизии в результате контратаки противника 30.12. оставили район Пасеково — Пасюков (11–16 км южнее населенного пункта Митрофановка).

1-я гвардейская армия частью сил продолжала вести бои по уничтожению окруженных гарнизонов противника в районах станции Гартмашевка, Чертково, Миллерово...

Бои шли ожесточенные. Сам фюрер озаботился положением на этом участке фронта.

«27.12.42 г.

...основным для боевых действий ближайшего времени должно оставаться освобождение 6-й армии (немецкой, окруженной в Сталинграде — авторы).

...Группа армий «Б» должна удерживать или вернуть общую линию: Калитва, северо-западнее населенных пунктов Тацинская, Миллерово, железная дорога Миллерово — Кантемировка — Дон. Противник, уже сейчас находившийся за этой линией, должен быть уничтожен атакой.

Адольф Гитлер».

Но его командиры понимали, что Берлин высоко, а им-то с земли виднее. Отбить, вернуть, удержать утраченное — задача непосильная. Тут не до жиру.

Дивизия «Юлия» перешла в подчинение 24-му немецкому танковому корпусу. Командование этого корпуса не имело своих войск, и его задача заключалась в том, чтобы взять все итальянские и немецкие части в свои руки и организовать новую оборонительную линию с тем, чтобы остановить противника.

Батальоны и группы переходили на позиции с большими трудностями. Технику и питание перевозили на санках, которые тащили сами альпийцы, потому что с начала зимы большинство мулов было послано в далекие тылы. В селе Круничное был создан вспомогательный пункт снабжения, а в ближнем хуторе Поддубновка — складировали боеприпасы. Санитарные взводы полков также направлялись к новому фронту. Штаб «Юлии» разместился в тылу и поближе к Россоши — на хуторе Новотроицк. За горой, за речкой свой аэродром. Кавалер Рыцарского креста, командир 385-й немецкой пехотной дивизии Карл Эйбл (Айбл) обживал исчезнувший ныне хуторок Комарово, можно сказать — на передовой. Запасная вражеская линия обороны обороны пролегла по степным высотам западнее Новой Калит-

вы по хутору Новая Мельница — Комарово — Зеленый Яр — Серобабин — село Валентиновка, железнодорожная станция Пасеково — Высочинов. Дальше поворачивала на юг и шла западнее Юго-Восточной магистрали мимо Чертково, через Беловодск к Миллерово, Чернышковской, Обливской.

Фашисты старались защитить аэродромы в Россоши, Гартмашевке, Чертково, Миллерово, с взлетных полос которых по «воздушным мостам» они снабжали оружием, горючим, провиантом взятую в «кольцо» армию Паулюса. И в окрестности вражеская авиация поддерживала свои наземные войска. Бомбили наши наступавшие части. Вывозили раненых. Перебрасывали подкрепления. Доставляли горючее, медикаменты, перевязочные материалы, почту. И потому фашисты всеми силами стремились даже в окружении держаться, действительно, до последнего бойца. Эти «малые котлы» гордо именовали — «крепости». Одна из таких появилась на аэродроме **станции Гартмашевка**, вблизи Кантемировки, у железнодорожной магистрали Харьков — Острогжск — Евдаково — Ростов. Немцы и итальянцы чаще называли этот аэродром — **Кантемировка**. Причина тому была серьезная. Недалеко от железнодорожной станции в степных ярах расположилось **село Гармашевка**. Запутаться в этих схожих названиях немудрено. Рядом со станцией, в районе аэродрома, полки 195-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии взяли в «кольцо» группу немецких войск. Ее возглавлял командир 84-го моторизованного зенитного дивизиона подполковник Георг Тироллер. Благодаря тому, что немцы смогли удержать аэродром, удалось наладить снабжение этой группы по воздуху «посадочным способом» и организовать вывоз раненых. Транспортная авиация доставляла сюда подкрепления. 26 декабря 1942 года на самолетах была переброшена рота из состава запасного батальона ВВС «Дон» (Flieger-Ersatz-Btl. Don) — одного из многочисленных подразделений люфтваффе, спешно созданных для участия в наземных боях.

А вот еще один взгляд на события тех давних дней.

«Около двадцатых чисел декабря Жуков в строжайшей тайне поездом выехал «к Ватутину», на Юго-Западный фронт, — вспоминал Александр Николаевич Бучин, шофер маршала. — Секрет держится по сей день. Ни в мемуарах Жукова, ни в книгах о той войне нет и упоминания об этой поездке, которая памятна мне хотя бы по той причине, что впервые пришлось погрузить машины в поезд и отправиться с ними к месту назначения — крошечной станции Анна, затерявшейся в южнорусских степях. Машины сгрузили, и на безотказном «хорьхе» мы колесили несколько дней по зимним степным дорогам, где заблудиться ничего не стоило. Несколько раз находили верную дорогу только благодаря сказочной способности Г.К. Жукова ориентироваться...»

Какая-то мутная была поездка. По опустевшим дорогам, фронт ушел вперед, подолгу разыскивали нужные штабы и части. Снег милосердно покрыл шрамы войны, но не везде. Стояли сильные морозы, и трупы убитых и замерзших красноармейцев и вражеских солдат иногда застывали в жутких позах. Иные даже стояли в сугробах. Я старался в таких случаях не смотреть по сторонам. Скверно все это, война — глубоко бесчеловечное занятие. Однажды вижу — мы едем навстречу черной массе, идет колонна. Через снежную пелену стараюсь разглядеть, кто, и похолодел — шинели и головные уборы не наши. Деваться некуда, подъехали. Оказалось, по дороге, как стадо, двигалась громадная толпа пленных итальянцев. Сыны солнечной Италии явились убивать нас и угодили в зиму. Именно в этом районе только что была наголову разбита итальянская армия, которую прислал Муссолини. Вид у итальянцев был самый жалкий, они понуро брели между сугробами, ограничивавшими по обочинам дорогу.

...Где конвой?

Георгий Константинович не проронил ни слова и безучастно смотрел вперед. Неожиданно он сказал — стой! — и вышел из машины. В хвосте колонны десяток пленных, взявшись за оглобли, тащили сани, в них и сидел конвой. Раненый красноармеец с ППШ на коленях. Из-под бинта видны были только глаза и часть лица. Узнав по папахе генерала, он неловко отдал честь и попытался слезть с саней. Жуков жестом остановил его и подчеркнуто четко отдал приветствие. «Вот и конвой», — сказал Жуков, ни к кому особенно не обращаясь. Несколько минут мы постояли на дороге, пока стадо итальянцев под пристролом раненого конвоира не скрылось в снежной мгле...»

Несмотря на то, что воздушные асы Геринга находились за первым бугром в Гартмашевке, в минутах лету, 6 января по заданию Ставки наш «летающий Генштаб» появился в Кантемировке — в штабе 3-й танковой армии. В новеньких погонах, их только что вернули Красной Армии, отдавая должное русским боевым традициям. Александр Михайлович Василювский и Георгий Константинович Жуков уже успели побывать на донском Щучьенском плацдарме. Еще не рассвело. Ночную тьму разбавлял боковой лунный свет, позволяя осмотреть округу. По-пластунски вслед за командиром 96-й танковой бригады Виктором Григорьевичем Лебедевым удачно добрались в «снайперское гнездо» на высоте. Что называется, в упор генералы разглядели обнаруженные ранее разведчиками минные поля в нетронутых на топливо будылях — зарослях подсолнуха. А за ними — пулеметные дзоты, артиллерийские капониры, траншеи и блиндажи. Надежно окопался враг и зорко следил за любым движением на нейтральной полосе. Хоть и попали на обратном пути под шальной обстрел, но путешествие в гости к немцам закончилось благополучно.

А тут, в широкой долине речки Богучарки, тоже рукой подать к передовой. От железнодорожной станции Пасеково к степным высотам у Первомайска, Новой Калитвы гремят бои вроде бы местного значения. Да ведь благодаря воинам, какие в тот час шли в атаку, на оперативных картах уже прорисовывались стрелы очередной значимой боевой операции. Острогоско-Россошанскую истории называют блистательной. Ее по сей день изучают курсанты военных училищ во многих странах мира.

А на северном фланге «Малого Сатурна» советские войска занимали села Новая Калитва — Ивановка — Первомайск — Фисенково — хутор Кащеев севернее Кантемировки...

...Морозную январскую метель,
Знать, не забыла милая Европа.

Бригадный генерал Риканьо в воспоминаниях жалостливо писал: альпийские войска находятся на ледяной равнине с несколькими холмами и балками, под открытым небом, без укрытий от снега и холода. Пользуясь паузой в боях, они начинают рыть окопы, чтобы хоть немного укрыться от холодного ветра. На передней линии создаются длинные рвы с сугробами. Одежда и полотнища палаток, прикрепленные на краях окопов, служат крышей, хотя не укрывают от снегопада и ветра. При температуре ниже минус 20 градусов войска передней линии держат оборону на открытой местности, едва защищенные от снега и холода. Привезенные из тыла дрова используются не для обогрева, а для укрепления траншей. Ведь итальянцы располагаются в зоне видимости советских войск и потому не могут разжигать костры. Есть случаи обморожения. Так, 108-я рота батальона «Ль Акуила» была заменена 59-й ротой батальона «Виченца», потому что, кроме тяжелых потерь во время боев, 64 человека оказались сильно обморожены.

Генерал или не знал, или лукавил. Вторая линия обороны в тылу итальянцами тоже частично была подготовлена заранее. Об этом в свое время свидетельствовали старожилы в здешних прифронтовых селах. На степных холмах строились укрепления и блиндажи. Например, в яру близ хутора Зеленый Яр располагалась мощная снабженческая база со складскими помещениями, заполненными боеприпасами, провиантом, медикаментами. Да и высоту 205,6 загодя превращали в «крепость» советские военнопленные. Лагерь для них располагался на окраине Первомайска в животноводческих постройках.

Впрочем, и наши воины шли в атаки, отбивались от наседающего противника, не сидя на печке. Ночью, утопая по пояс в глубоком снегу, оврагами и овражками скрытно подбирались поближе к вражеским позициям. Киркой и лопатой вгрызались в скованную морозами землю, рыли себе спасительные окопы и траншеи — где можно было укрыться от губельного обстрела или под своим защитным навесным минометным огнем штурмовать врага.

В архиве Министерства обороны сохранился «дневник» боевых действий дивизии. Схожий «отчет-ежедневник» на основе итальянских архивных документов составил историк Джорджо Скотони. Пересказ одних и тех же событий позволяет зримее представить бои «за землю Русскую». Почему это так важно сегодня, спустя семь десятилетий? Напомним читателям: вот уже четверть века наши воронежские придонские степи навещают многочисленные группы паломников из Италии. Путешествия вызваны их желанием побывать в местах, где бесславно завершился ближайший по времени «трагический поход воинственных потомков римлян на восток — в Советский Союз».

И вдруг туристы стали приезжать с листовками-обращениями к нам — «Уважаемым Россиянам». В них, в частности, подчеркивалось, что «русские солдаты оценили корректность альпийских военнослужащих, говоря, «итальянски карашо». Некоторые наши современные историки и краеведы тоже пытаются убеждать: «Италия — враг поневоле». Поскольку на Дону в Великую Отечественную войну оставила кровавый след чуть ли не вся Европа, то «научно» выясняют — кто из оккупантов был «лучше по отношению к противнику и местному населению». Начало этим изысканиям положил первый командующий итальянским экспедиционным корпусом в «войне на Русском фронте» генерал Джовани Мессе. Он составил «шкалу злодейства, жестокости» иностранных частей, оправдывая соотечественников. И теперь генерал не единственный, кто «пошел дальше», кто приходит к выводу, что, скажем, те же итальянцы «почти» и не воевали — кинули наземь оружие, подняли руки вверх и пошли толпами сдаваться в плен...

Переписывая историю на свой лад, ни дружбу народов, ни мир на планете не укрепишь. Во фронтовой боевой обстановке «корректных» бойцов или невинных овечек не бывает. Умели воевать и итальянцы. Захватчики в основной массе оставались противником.

С 20 декабря 1942 года до середины января 1943 года гремели ожесточенные сражения в степях от донского села Новая Калитва до железнодорожной станции Пасеково.

25 декабря.

Итальянцы почему-то умолчали о событиях текущего дня. Есть только краткая запись: «На Рождество, 25 декабря, на фронте дивизии «Юлия» все было относительно спокойно».

На хуторе Комарово в штабе 385-й немецкой пехотной дивизии вечером в застолье отмечали католическое Рождество. Генерал Эйбл (Айбль) пожелал послушать русскую песню «Катюша». Ему услужливо разыскали голосистую певицу — девчоночку-подростка Дусю Вислогузову. Она запела, с лету меняла строки:

...Дрожь берет фашистов над рекой,
Это наша русская Катюша
Немчуре поет за упокой!

Мама Дуси стояла у порога. У нее и ноги подкосились — «ни жива, ни мертва». На их счастье подвыпившие немцы не вникли в смысл переименованной песни. Их заворожала мелодия — подпевали, отбивая в такт себе ладони.

28 декабря.

«28 декабря борьба за высоту 205,6 стала еще более кровавой. Ночью советские войска овладели западной стороной высоты, бывшей участком немецких войск 387-й дивизии, на правом фланге альпийцев. В результате — высота 205,6 была покинута. Но позже сильным штурмом 264-й роты батальона «Вал Чисмон» она была снова взята. Советские войска той же ночью отвоевали высоту еще раз, но к 5 утра она была снова возвращена...»

Мороз был сильным. В этот день было зафиксировано 103 случая обморожения среди альпийцев...»

Днем **29 декабря** по радио передали сводку военных действий немецкого верховного командования, где говорилось: «В оборонительных контрнаступлениях в большой излучине Дона особо отличилась итальянская дивизия «Юлия»... Газета «la Domenica del Corriere» не без гордости сообщала: «Великая битва в излучине Дона. В боях против наступающих советских войск отличились наши альпийцы, особенно дивизия «Юлия», решительной контратакой остановившие и отбросившие врага».

31 декабря.

«30 декабря линия Юго-Западного фронта на Среднем Дону стабилизировалась на рубеже Новая Калитва — Фисенково — Кащеев — Высочинов — Марковка — Чертково — Волошино — севернее Миллерово...»

«И последний день 1942 года оказался очень тяжелым для войск дивизии «Юлия». К 6 утра 31 декабря четыре красноармейские роты, с поддержкой 18 танков, атаковали в двух направлениях у перекрестка Зеленый Яр. Атака была сначала успешной, но к 8.30 наступавшие должны были отступить с потерями».

В схожих сражениях кроваво кипели снега у хуторка Серобабин, где героически погибли командир танкового батальона Иван Федосеевич Лубянецкий и его боевые товарищи. Комбату посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И все же — в декабрьском наступлении на Среднем Дону войска Юго-Западного и Воронежского фронтов нанесли сокрушительное поражение 8-й итальянской армии и левому крылу группы армий «Дон». К 31 декабря части итальянской армии в составе 2-го, 29-го и 35-го армейских корпусов потеряли убитыми, ранеными и пленными семь из каждых десяти воинов своего личного состава и всю боевую технику.

Но итальянские военачальники считали, что кризис на донском фронте преувеличен. Начальник генерального штаба маршал граф Кавальеро и командующий 8-й армией генерал Гарибольди рассчитывали, что после операции «Малый Сатурн» у Верховного Главнокомандования Красной Армии не будет возможности нанести им новый удар на Дону. Они не прислушались к тревожному донесению начальника штаба Горнострелкового корпуса генерала Джулио Мартината: «Движение во вражеском тылу продолжает быть очень сильным... Шум больших двигателей и иногда тракторов, вместе с голосами людей, как будто занятых тяжелыми маневренными трудами, слышен ночью из лесов у Дона. Все это указывает на деятельность выше обычной в этом районе»... «В Новой Калитве давление частей Красной Армии против позиций дивизии «Юлия» увеличивается со дня на день, что является признаком возможной будущей атаки на южном фланге». В ответ приказывали сопротивляться: «Альпийский армейский корпус и венгер-

ская армия должны удерживать линию Дона до последнего человека и до последнего патрона. Никто не должен отступать с фронта без приказа командования армейской группы «Б». За это отвечают лично командиры дивизий».

Бои на степных высотах расширяли кольцо окружения вокруг Сталинграда. Воины наносили противнику серьезные потери, отвлекали внимание противника от готовящегося наступления, что и позволило быстро и скрытно собрать нам силы на Сторожевском, Щучьенском донских плацдармах и у Кантемировка — чтобы ударить в «три кулака» по врагу и победить его в ходе Острогожско-Россошанской операции.

Ударили!

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 17 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

на 8.00. 17.01.43 г.

Войска центра и левого крыла Воронежского фронта 13 января перешли в наступление южнее Воронежа и, прорвав фронт обороны противника в районах Селявное, Щучье, Кантемировка, к исходу 16.1 продвинулись на 35-90 км, продолжая развивать наступление на фланги и тыл группировки противника, находящейся к востоку от железной дороги Лиски — Россошь.

Воронежский фронт

3-я танковая армия (12-й, 15-й танковые корпуса, 7-й кавалерийский корпус, 48-я гвардейская стрелковая дивизия, 180-я, 184-я стрелковые дивизии, 37 стрелковая бригада) в 12.20 14.1 перешла в наступление с рубежа Фисенково (18 км севернее Кантемировка) — Кащеев (5 км западнее Кантемировка) и, прорвав оборону противника, к исходу 16.1 продвинулась в северо-западном направлении стрелковыми соединениями на 35 км, кавалерийскими — на 55 км и танковыми — на 90 км.

12-й танковый корпус в первой половине дня 16.1 овладел городом Россошь и к 16.40 16.1 вышел на рубеж Подгорное — Постоялый...

37-я стрелковая бригада во взаимодействии с частями 180 стрелковой дивизии в первой половине дня 16.1 овладела районом Митрофановка и продолжала развивать наступление на район Круничная.

180-я стрелковая дивизия, овладев районом Митрофановка, выдвигалась в направлении города Россошь.

48-я гвардейская стрелковая дивизия находилась в районе города Россошь.

184-я стрелковая дивизия с рубежа Пшеничный — Поддубное (19-24 км юго-западнее Митрофановки) наступала в направлении района Новоселовка (18 км юго-западнее города Россошь).

За период боев с 13.1 по 16.1 войсками фронта взято в плен около 17 000 солдат и офицеров, по неполным данным, захвачено: танков — 75, орудий разного калибра — 800, минометов — 493, противотанковых ружей — 157, пулеметов — 1200, винтовок — 14 000, автомашин — 520, тракторов — 130, радиостанций — 21, лошадей — около 700, повозок — 672, снарядов — около 250 000, патронов — свыше 5 000 000, складов — около 70 и много другого военного имущества противника, которое подсчитывается. За этот же период уничтожено: 51 000 солдат и офицеров, 135 танков, 70 батарей, 17 самолетов; разрушено свыше 550 дзотов.

Погода: ясно, температура от -20° до -25° ...

Это были победы! Первые на далеком и долгом пути от Дона к Берлину.